

Его предшественник был старшим сыном министра обрядов Цзян Цзина. Семья Цзян Цзина жила в бедности, и он рано женился на матери прежнего владельца этого тела. Благодаря деньгам, которые та выручала с продажи тофу, он смог отправиться в столицу на экзамены, где занял третье место, после чего приглянулся госпоже Ли, дочери высокопоставленного чиновника. Ради карьеры Цзян Цзин скрыл факт своего брака, женился на госпоже Ли и с тех пор пошел в гору, дослужившись до поста канцлера.

Когда госпожа Ли была на сносях, мать прежнего владельца, будучи на позднем сроке беременности, тоже разыскала их. Цзян Цзин хотел было дать ей немного денег, чтобы та вернулась в деревню и доживала там свой век, но госпожа Ли остановила его. Она не только оставила женщину, но и на каждом шагу называла её сестрицей, причитая, что Цзян Цзин поступил с ней несправедливо, и предлагала ей стать второй женой, чтобы та не чувствовала себя ущемленной. Мать прежнего владельца, надеясь, что её нерожденный ребенок будет расти в достатке, согласилась.

На самом деле госпожа Ли оставила её вовсе не из доброты. Она хотела искоренить проблему на корню, чтобы та в будущем не пришла требовать законного статуса для ребенка. Госпожа Ли тайно приказала подсыпать в лекарственные отвары матери хронический яд, рассчитав время так, чтобы действие отравы проявилось в момент родов. Тогда это можно было бы выдать за смерть от тяжелых родов, и никто бы ничего не заподозрил.

Может, прежний владелец был живуч, а может, материнская любовь была слишком сильна, но роды прошли на удивление легко. Однако, услышав громкий плач младенца, несчастная женщина улыбнулась сквозь слезы и закрыла глаза. Она так и не увидела своего ребенка, поэтому не знала об огромном пугающем родимом пятне на его лице.

Когда госпожа Ли увидела, что ребенок родился таким уродливым, то, будучи сама на сносях, не захотела марать руки об младенца и оставила его в живых. Но жизнь его была невыносимой. Все твердили, что он приносит несчастье, что мать умерла от испуга, увидев его уродство. Мальчика сослали в отдаленный флигель для слуг, где он жил бок о бок с маленькой служанкой. Его не только обделяли едой, но и, когда он, будучи с детства слабым здоровьем, заболел, и маленькая служанка в слезах умоляла госпожу Ли вызвать врача, та лишь наткнулась на насмешки со стороны приближенной к госпоже Ли няньки:

— Ишь какой, наш старший господин Цзян такой изнеженный, что чуть что — сразу врача подавай.

Из-за многолетней нехватки еды и одежды, а также отсутствия должного лечения врожденной слабости, однажды утром он просто тихо ушел, так и не открыв больше глаз.

Сюй Мо резко распахнул глаза и схватился за грудь, пытаясь унять острую боль.

— Ну и мерзость, совсем страх потеряли! — Сюй Мо сжал кулаки, дрожа от ярости.

В этот момент его душа словно слилась с душой прежнего владельца.

— Не бойся, брат, я отомщу за тебя! Если я не проучу этих подонков, то грош мне цена!

Сюй Мо задумался: фамилию ему дал директор приюта, может, он и вовсе не был Сюй. Он добавил:

— Иначе я не мужчина!

Пока Сюй Мо погружался в пучину гнева, вошла заплаканная служанка, вытирая слезы платком. Видимо, от горя она не заметила Сюй Мо, сидящего у стола, и, увидев пустую кровать, разрыдалась в голос:

— Господин... Хунье никчемна, я не смогла привести врача, как же так, даже тела вашего не осталось...

У Сюй Мо запульсировало в висках.

— Рано ревешь, я еще не помер! — внезапно подал он голос.

— А! — Хунье вздрогнула от испуга и отпрянула назад.

Увидев, что Сюй Мо живой и невредимый, она снова залилась слезами. Она ведь звала его, но не могла добудиться, в панике побежала за врачом, но госпожа Ли отказалась её принять, а врача она привести не смогла. Она не знала, что делать от горя, и вдруг увидела, что господин не только очнулся, но и может встать с кровати.

Возможно, тело сохранило инстинктивную память, но Сюй Мо, видя, как горько плачет Хунье, почувствовал, как сердце смягчилось.

— Ну ладно, чего плакать? Разве я не в порядке? — утешил он её.

Хунье поспешно вытерла слезы и энергично закивала.

Сюй Мо пошевелил конечностями, чувствуя слабость, и мрачно подумал: с такими тонкими ручками и ножками он не то что подраться — от одной пощечины упадет и не встанет. Как же тут мстить?

— Сходи принеси мне поесть, я голоден, — приказал Сюй Мо.

Хунье покраснела, закусил губу, но ничего не ответила. Сюй Мо вспомнил, что слуги в усадьбе заглядывают в рот госпоже Ли, и их с Хунье рацион был строго ограничен, а если они просили добавки, им всегда находили повод отказать.

— Эта отравительница хочет уморить человека голодом, — пробормотал Сюй Мо, чувствуя, как от гнева снова заходила ходуном грудь.

Наконец он хлопнул себя по бедру: была не была!

— Подойди сюда, помоги мне встать, пойдем просить еды, — позвал он Хунье.

Хунье была удивлена: прежний господин всегда держался скромно, опустив глаза, никогда не говорил так громко и не делал таких решительных движений.

— Иди сюда! Чего стоишь? Хочешь, чтобы твой господин с голоду помер? — подгонял её Сюй

Мо.

— Ой, сейчас! — засуетилась Хунье, поспешно помогая ему подняться.

Сюй Мо привык следить за собой, для учебы требовалась хорошая выносливость, поэтому сам он выглядел худощавым, но под одеждой скрывались мышцы. Сейчас ему было жизненно необходимо много есть, чтобы восстановить силы и калории. Это болезненное тело, которое задыхалось после каждого шага, вызывало у него лишь досаду.

Обычно прежнего господина редко видели в передней части усадьбы, поэтому по пути на кухню слуги и служанки провожали их с Хунье удивленными взглядами. Сюй Мо, встретив их взоры, сверкнул глазами в ответ:

— Чего уставились? Деньги получаете, а работать не хотите, лодырничаете? В усадьбе бездельники не нужны, скажу госпоже — всех разгонят!

Слуги не боялись прежнего господина, но боялись госпожу Ли. Она управляла домом железной рукой, и если до неё дойдет жалоба, порки не избежать. Слуги и служанки тут же отвели глаза и разбежались кто куда. Хунье никогда не видела своего мягкотелого господина таким жестким, и её глаза засияли от радости, а поддерживать его она стала еще бережнее.

Когда они дошли до кухни, повара как раз готовили обед. Аромат мяса ударил в нос, и Сюй Мо невольно принялся. Надо сказать, еда в древности пахла куда аппетитнее, чем та, что была напичкана современными ароматизаторами. Какой-то дородный мужчина, судя по всему, главный повар, возился с жареной курицей на подносе. Курица блестела от жира, её цвет был настолько аппетитным, что у Сюй Мо и Хунье глаза разбежались.

Повар недовольно буркнул:

— Кухня — место важное, что здесь забыл старший господин?

Сюй Мо оторвал взгляд от курицы и с вызовом ответил:

— Что забыл? Ты слепой? Не видишь, что я кожа да кости и на лице написано, что умираю с голоду?

<http://bllate.org/book/21561/2219632>